

пьер паоло пазолини
“компартия - молодёжи!”

стихотворение 1968 года
и дискуссия о нём

пьер паоло пазолини
“компартия – молодёжи!”

стихотворение 1968 года
и дискуссия о нём

свободное марксистское издательство

Переведено по книге Empirismo eretico,
Garzanti, Milano, 1972.

Часть материалов взята с сайта
www.pasolini.net

Перевод, составления, примечания -
Кирилл Медведев, 2008.

Сайт Свободного Марксистского Издательства:
www.pasolini.ru/fmp.html

ISBN 978-5-98063-010-2

КОМПАРТИЯ – МОЛОДЁЖИ!

*(Поэтические заметки для стихотворения в прозе
в сопровождении “Апологии”)*

Грустно. Критиковать
КПИ нужно было в первой половине
прошлого десятилетия. Вы опоздали, дети.
И неважно, что вы тогда еще не родились.
Теперь журналисты всего мира (в том числе
телевизионщики)
лижут вам жопы {полагаю, так ещё говорят
на языке Университета). А я нет, друзья.
У вас лица папенькиных сынков.
Хорошая порода не лжет.
Вы всё так же близоруки.
Вы испуганны, нетверды, отчаянны
(очень хорошо!), но при этом умеете казаться
задирами, шантажистами, хвастунами:
это прерогатива мелкой буржуазии, друзья.
Когда вчера в Валле Джулия вы бились
с полицейскими,
я симпатизировал полицейским!
Потому что полицейские - дети бедняков.
Выходцы с периферии, сельской или городской.
Что до меня, я достаточно хорошо знаю,
как они жили в детстве и юности:
каждая тысяча лир на счету, отец, который
так и не повзрослел
из-за нищеты, не дающей полномочий.
Мать, грубая как грузчик, или нежно-болезненная,
как птица;
множество братьев; лачуга

среди огородов с красным шалфеем (на клочке чужой земли); окна на сточную канаву или квартиры в больших многоквартирных домах для бедноты, и так далее и так далее.

И потом, смотрите на них, как они одеваются: будто клоуны, эта грубая одежда, пахнувшая армейской пищей, ротной канцелярией и толпой. Хуже всего, естественно, то психологическое состояние, до которого они доведены (за сорок тысяч лир в месяц): никаких улыбок, никаких друзей во всем мире, отрезанные, исключенные (нет равных такому исключению); униженные потерей человеческих свойств ради свойств полицейских (быть ненавидимым значит ненавидеть).

Им двадцать лет, столько же сколько вам, милые мальчики и девочки.

И мы, безусловно, заодно против института полиции. Но схватитесь с судебной системой, и вы увидите!

Парни-полицейские, которых вы отлупили, в духе священного хулиганства папенькиных сынков

(благородная традиция Возрождения) принадлежат к другому социальному классу.

На Валле Джулия, таким образом, произошел эпизод классовой борьбы: и вы, друзья (хоть и стояли за праведное дело) представляли богатых,

в то время как полицейские (стоявшие за
неправедное дело)
представляли бедных. И вы одержали красивую
победу! В таких случаях
полицейским дарят цветы, друзья.
«Пололо» и «Коррьере делла Сера», «Ньюсуик» и
«Монд»
лижут вам жопу. Вы - их дети,
их надежда,
их будущее: даже если они упрекают вас,
они, конечно, не собираются вступать с вами
в классовую борьбу! Разве что
в обычную междоусобицу.
Интеллигенту или рабочему,
стоящему вне вашей борьбы, весьма забавно
осознавать,
что молодой буржуа отлупил старого,
а старый засадил за решетку молодого.
Потихоньку
возвращаются времена Гитлера: буржуазия
любит быть наказанной собственноручно.
Я прошу прощения у тысячи или двух тысяч моих
юных братьев,
которые работают в Тренто или в Турине,
в Павии или в Пизе,
во Флоренции, а также немного в Риме,
но я должен сказать: студенческое движение
не штудирует Евангелие, как говорят о вас
ваши стареющие подхалимы,
желающие ощущать себя молодыми и
шантажировать своей лживой девственностью:
единственное, что на самом деле знакомо

студентам:

морализм отца, судьи или служащего,
конформистское насилие старшего брата
(естественно, идущего по стопам отца)
ненависть к культуре матерей, вышедших из
крестьян, хотя и очень давно.

Вы это знаете, дорогие дети.

И выражаете в двух ваших неперемненных чувствах:
в осознании своих прав (известно, демократия
интересуется только вами) и в жажде власти.

Да, в ваших лозунгах всегда идет речь о захвате
власти.

В ваших бородах я вижу бессильное честолюбие,
в вашей бледности - безнадежный снобизм,
в ваших бегающих глазах - половое разложение,
в вашем крепком здоровье - надменность, в плохом
здоровье - презрение

(и лишь в немногих из вас, в тех, кто происходит
из низшей буржуазии, или из рабочих семей,
эти недостатки несут в себе некоторое благородство:
познай самого себя и школу в Барбиане!*)

Вы занимаете университеты,
и говорите, что тем же самым должны заняться
молодые рабочие.

Но вот в чём дело:

станут ли «Коррьере делла Сера» и «Пополо»,
«Ньюсвик» и «Монд»

так же сильно волноваться об их проблемах?

Ограничится ли полиция тем, что получит

*'Барбиана - деревня в Тоскании, где в конце 50-х была соз-
дана школа для беднейших крестьянских детей, в которой
разрабатывались методы альтернативной педагогики.*

пару тумачков на захваченной фабрике?
Это банальное наблюдение;
к тому же шантажистское. Но, главное, тщетное:
из вашей буржуазности
следует и ваш антикоммунизм. А рабочие, они
остались в 1950-ом и раньше.
Такая древняя идея, как Соппротивление (которую
нужно было опровергать двадцать лет назад,
и тем хуже для вас, что вы тогда еще не родились)
ещё стучит в сердцах людей из провинции.
Вряд ли рабочие говорят по-французски
и по-английски,
разве что какой-нибудь бедняга,
вечером, у себя в ячейке
пытается изучать русский.
Прекратите думать о своих правах,
прекратите добиваться власти.
Освобождённый буржуа должен отказаться от всех
своих прав
и изгнать из своей души, раз и навсегда,
идею власти. Все это либерализм - оставьте его
Бобу Кеннеди.
Учителями становятся, занимая фабрики,
а не университеты: ваши подхалимы (в том числе
коммунистические)
не сообщают вам банальную истину: вы - новая
порода аполитичных идеалистов, как и ваши отцы -
те, что так и не выросли.
Посмотрите на американцев,
ваших очаровательных сверстников,
с их дурацкими цветами, они продолжают изобретать
свой собственный «новый», революционный язык!

Они изобретают его изо дня в день!
Но вы не можете заниматься тем же, потому что
в Европе уже есть такой язык:
можете ли вы его игнорировать?
Да, вы хотели бы его игнорировать (к великому
удовлетворению «Таймс» и «Темпо»).И вы игнорируете его, становясь, в своём глубоко
провинциальном морализме,
«крайне левыми». Странно,
отринув революционный язык
бедной, старой, тольяттинской, официозной
Коммунистической партии,
вы восприняли его еретический вариант,
на основе низкопошибного жаргона
социологов без идеологии (или отцов-бюрократов).
Говоря так,
вы просите всего на словах,
фактически же вы просите только то,
на что имеете право (как славные буржуазные
детки):
серию неотложных реформ,
применения новых педагогических методов
и обновления государственного аппарата.
Молодцы! Вот священные чувства!
Да поможет вам счастливая звезда буржуазии!
Опьяненные победой над молодыми
полицейскими, которых нищета вынуждает быть
рабами
(и одурманенные интересом общественного мнения
буржуазии,
с которой вы ведете себя как женщины,
игнорирующие и третирующие

нелюбимого богача-воздыхателя)
 вы отвергаете единственный инструмент, которым
 можно действительно бороться с отцами:
 коммунизм.

Надеюсь, вы поняли:

быть пуританами -

значит препятствовать

настоящему революционному действию.

Но давайте же, скорее, дети, нападайте на
 отделения Компартии! Захватывайте ячейки!

Занимайте офисы

Центрального Комитета! Ну же,

разбейте лагерь на виа делль Боттеге Оскуре!*

Хотите Власти? захватите её, по крайней мере,

в партии, которая всё-таки оппозиционна

(пусть и изрядно потрёпанная, благодаря власти

синьоров в двубортных пиджаках, любителей

бочче**, любителей литот, буржуазных сверстников
 ваших глупых отцов)

и хотя бы в теории ставит своей целью разрушение
 Власти.

Правда, я сомневаюсь в том, что она решится
 разрушить те элементы буржуазности, которые есть
 в ней самой, даже с вашей помощью, ведь,
 как я говорил, хорошая порода не лжет...

Но всё равно: Компартия - молодёжи!

.....
 Но что я вам тут советую? К чему я
 подталкиваю вас?

* Месторасположение офисов Компартии

** Бочче - итальянская разновидность боулинга

Каюсь, каюсь.

Я стал на путь, ведущий к меньшему злу,
да проклянет меня Бог. Не слушайте меня.

Увы, увы,

шантажируемый шантажист,

я повсюду трубил о здоровом смысле!

Я еле сумел вовремя остановиться,

спасая одновременно фанатический дуализм и
раздвоенность...

Но стыд переполняет меня (о Господи! мне что,

нужно думать о возможности быть с вами

в вашей Гражданской войне,

отложив мою старую идею Революции?)

Апология

Что такое «ужасные стихи» (каковыми вроде бы являются «Компартия - молодёжи!»)? Очень просто – ужасные стихи это такие стихи, которые не могут сами по себе выразить то, что хотел выразить автор, то есть, смыслы в них подменены слиянием смыслов, а слившиеся смыслы вместе затемняют другие смыслы.

Более того, как известно, поэзия использует знаки из разных семантических полей, подлаживая их друг к другу, часто деспотически. Таким образом, она делает нечто вроде стратификации каждого знака, которым каждый слой сообщается со значением знака, взятого из другого семантического поля, но предварительно соединенной (демоном) с другими.

Итак: эти ужасные стихи можно понять – но для этого нужна добрая воля. Я сомневаюсь в доброй воле многих читателей этих ужасных стихов, хотя во многих случаях я не отказал бы им, так сказать, в «злой воле к добросовестности». Имеется в виду политическая страсть, равноценная моей, с её надеждами и горечью, идолами и формами ненависти наподобие моих.

Поэтому, хочу подчеркнуть, что я писал эти ужасные стихи в нескольких регистрах одновременно, и поэтому они «двойные», то есть, ироничные и самоироничные. Все сказано в кавычках. Фрагмент о полицейских – фрагмент *ars retorica*, который безумный болонский нотариус мог определить, в данном случае, как «*captatio malevolentiae*».* Можно сказать, кавычки провоци-

'«Снискание нерасположения» (пат). На авторство этого термина, трансформированного из «captatio benevolentiae», «снискание расположения», претендует (см. стр. 12)

руют. Я надеюсь, что дурная совесть моего доброго читателя «принимает» провокацию, учитывая, что это дружеская провокация (по-настоящему неприемлемы провокации фашистов и полиции). Два отрывка о старых рабочих, которые по вечерам в своих каморках учат русский, и об эволюции старой доброй потрепанной КПИ также заключены в кавычки. Помимо того факта, что объективно такие фигуры рабочего и КПИ сообщаются с «реальностью», здесь, в моём стихотворении, они являются риторическими и парадоксальными фигурами; и они тоже провокативны.

Единственный непровокативный пассаж, хоть и начинающийся в идиотичном тоне, это финал, заключенный в скобки. Здесь я ставлю реальную проблему, хотя и через горькую и ироническую завесу (я не смог немедленно преобразить демона, посетившего меня после стычки в Валле Джулия; настаиваю на хронологии для нефилологов). Речь идёт о дилемме будущего - гражданская война или революция?

Умберто Эко, критиковавший в конце 1960-х лингвистические теории Пазолини. «Не знаю, метать ли бисер перед вами, стадом бессмысленных дурней, которые вообще никогда и ничего не способны уразуметь. Как ват такое начало? Типичный случай «captatio malevolentiae», то есть, я применил риторическую фигуру, которой нет и не может быть - эта фигура призвана восстанавливать аудиторию против оратора. Вообще-то я много лет полагал, будто первым выдумал этот термин. Я применил его к одному своему приятелю и к его манере держать себя в обществе». Не ясно, подразумевается ли под «болонским нотариусом» Эко, а под «приятелем» Пазолини. В любом случае, выражение не кажется чуждым общему контексту творчества и судьбы Пазолини.

Я не могу поступать, как многие коллеги, которые якобы перепутали одно с другим (или на самом деле перепутали одно с другим), и, очарованные «студенческим психозом», мертвым грузом пали на сторону студентов (льстя им и получая пренебрежение в ответ). Я не могу даже утверждать, что возможности революции в принципе исчерпаны, и поэтому мы должны предпочесть «гражданскую войну» (как происходит в США и в Западной Германии из-за иной исторической судьбы этих стран). На самом деле, как я уже говорил много раз, буржуазия ведет гражданскую войну сама с собой. Мне также не хватило бы цинизма (как французам), чтобы утверждать, будто можно сделать революцию, «воспользовавшись» гражданской войной, развязанной студентами – но отставить их при этом в сторону, а то и исключить.

Именно из такого умонастроения родились эти ужасные стихи, основное свойство которых, это, в любом случае, провокация (неразборчивая именно из-за того, что стихи ужасны). Но вот главное, что я хочу сказать – почему я так провоцировал студентов (так, что даже липкая буржуйская газетенка сумела поспекулировать на этом)?

Причина вот в чём: до моего поколения включительно, молодые люди видели перед собой буржуазию как «объект», как «отдельный» мир (отдельный от них, потому что я, естественно, говорю об отверженных молодых людях, отверженных из-за травмы. Пример травмы – травма 19-тилетнего Ленина, на глазах которого силами порядка был повешен его брат). Таким образом, мы могли смотреть на буржуазию объективно, снаружи (даже при том, что были чудо-

вищным образом связаны с ней: история, школа, церковь, страдание). Объективное восприятие буржуазии было обусловлено, согласно стандартной схеме, способом её восприятия, который не был буржуазным; тем, как воспринимали её рабочие и крестьяне (то, что позже будет названо Третьим миром). Поэтому мы, молодые интеллектуалы двадцати-тридцати лет (и привилегированная часть класса, студенты), могли быть антибуржуазными, находясь вне буржуазии, благодаря оптике, предложенной нам другими социальными классами (революционными или мятежными).

Таким образом, мы выросли с мыслью о революции; рабоче-крестьянской революции (Россия 1917, Китай, Куба, Алжир, Вьетнам). И мы формировали из своей травматичной ненависти перспективу, в которую могли бы быть включены наши действия в неэскапистском будущем (хотя бы частично, потому что все мы немного сентиментальны).

Для молодого человека сегодня всё иначе: ему гораздо сложнее смотреть на буржуазию объективно, глазами другого социального класса. Поскольку буржуазия торжествует, она обуржуазивает также рабочих и бывших колониальных крестьян. Короче говоря, через неокапитализм буржуазия становится человеческим состоянием. Те, кто от рождения следуют в русле этой энтропии, не могут быть, метафизически, вне её. Все кончено. Вот почему я провоцирую молодёжь. Это, возможно, последнее поколение, которое видит рабочих и крестьян. Следующее поколение будет видеть вокруг себя одну только буржуазную энтропию.

Я лично (моя личная отверженность, с детства, гораздо более ужасна, чем отверженность как судьба негров, например, или евреев) и публично (фашизм и война, которые открыли мне глаза на мир: столько удушенных и повешенных!) был настолько травмирован буржуазией, что моя ненависть к ней обрела в итоге патологический характер. Я ничего не жду от буржуазии, ни как от цельного организма, ни как от создателя антител против себя самой (что характерно для процесса энтропии. Антитела, рожденные в процессе американской энтропии, долго не живут, а к жизни их вызывает только наличие в Америке чернокожих, которые играют такую же роль для американской молодёжи, какую для нас играли рабочие и крестьяне).

Вот из-за этого «тотального» отсутствия у меня веры в буржуазию, я и сопротивляюсь идее гражданской войны, которую, возможно, посредством восстания студентов, буржуазия ведёт сама с собой. Молодежь этого поколения уже, я бы сказал, на физическом уровне более буржуазна, чем мы. И что? Я не имею права провоцировать её? Как же ещё я могу вступить с ней в контакт? Мой демон-искуситель, это, как известно, демон, полный грехов; на этот раз он также проявил грех нетерпения и безразличия к старинному ремеслу под названием искусство. Он грубо перемешал все семантические поля, жалуясь, к тому же, на отсутствие прагматичности, мешающее ему добраться до семантических полей, лежащих в основе неязыковой коммуникации: физическое присутствие и действие... В общем, сегодняшние студенты принад-

лежат «тотальности» («семантические поля», на которых они выражают себя через языковые и неязыковые средства). Они тесно сплочены и изолированы, поэтому, на мой взгляд, не способны сами понять, что, самокритично называя себя мелкобуржуазными, они допускают ошибку, элементарную и неосознанную. На самом деле, у сегодняшнего мелкого буржуа уже нет крестьянских дедов, а есть только прадеды и прапрадеды. Он не имеет практического антибуржуазного революционного (рабочего) опыта (а отсюда и бессмысленные метания в поисках товарищей по рабочему классу), вместо этого он имеет опыт первой стадии неокapиталистического качества жизни, включая проблемы тотальной индустриализации. Поэтому мелкого буржуа сегодня уже невозможно охарактеризовать с помощью классического марксизма, например, ленинского. (Так же как, например, современный Китай уже никак не связан с Лениным, и поэтому судить о Китае по ленинской книжке об империализме было бы безумием). Более того, сегодняшняя молодёжь (она должна как можно скорее избавиться от ужасного классистского термина «студенты» и стать «молодой интеллигенцией»), не осознаёт, насколько омерзителен современный мелкий буржуа, под которого подделывается и рабочий (несмотря на вечный оптимизм коммунистического канона) и бедный крестьянин (несмотря на мифологизацию, к которой склонны маркузианские и фанонианские интеллектуалы; включая меня, начавшего, впрочем, гораздо раньше).

Студенты могут прийти до такого манихейского осознания буржуазного зла следующим образом (резюми-

рую):

а) Переосмыслив – как вне социологии, так и вне классического марксизма – мелкую буржуазию, познав её такой, какая она есть (какие мы есть) сегодня.

б) Отбросив своё онтологическое и тавтологическое самоопределение студенчества и признав себя просто интеллигенцией.

с) Осуществив последний возможный выбор – накануне слияния буржуазной истории с человеческой – выбор в пользу небуржуазности (это возможно сегодня только путем замены силы разума травматическими персональными и публичными причинами, о которых я говорил. Это исключительно сложная операция, требующая «умного» самоанализа за рамками какой-либо конвенции).

Анжела Мольтени*

Пьер Паоло Пазолини, «Компартия – молодежи!»

О 68-ом Пазолини предпочел написать в стихах. Так родилось известное стихотворение «Компартия – молодежи!» с таким зачином:

*Грустно. Критиковать КПИ
нужно было в первой половине
прошлого десятилетия. Вы опоздали, дети.
И не важно, что вы тогда ещё не родились...*

За прошедшие годы этот отрывок столько раз перетолковывался, что на нем имеет смысл остановиться. Многих эта «полемика в стихах» заставила разойтись с Пазолини (даже для тех, кто понимал всю меру ироничности этого текста), в первую очередь, по политическим причинам - после того, как он, человек левых убеждений, коммунист, что подтверждал много раз, решил опубликовать эти стихи в крупнотиражном издании [еженедельнике «Espresso»] в ту, действительно, очень горячую пору студенческих (а также рабочих) выступлений, предоставив, таким образом, правым силам возможность вульгарно, абсурдно и извращенно спекулировать на его словах. Может показаться, будто поэт не учел возможного воздействия своего текста, но мы увидим, что это не так.

В Риме, в Милане и в других европейских городах

**Анжела Мольтени – журналист, культуролог, специалист по творчеству П.П. Пазолини, Ф.Г. Лорки и т.д. Один из создателей и ведущих сайта www.pasolini.net, на котором опубликована статья.*

студенты гибли в столкновениях с полицией и карабинерами; настоящая бойня произошла в Мехико, где погибло много студентов. Как могли, в такой ситуации, левые (от политических партий до профсоюзов и профактивистов) – хоть и понимавшие в глубине души, что этот текст нужно воспринимать как провокацию - не критиковать Пазолини, в том числе, очень резко, за его слова, произнесенные в такой серьезный и драматический момент? Однако факт остается фактом: те, у кого была возможность поступать в Университеты, в значительной степени, происходили из буржуазных семей, те же, кто поступал на службу в полицию, происходили из менее обеспеченных классов, из пролетариата и люмпен-пролетариата.

На самом деле, никто не противостоял полицейскому как люмпен-пролетарию. Студентов не устраивала та функция и роль, которую играли силы правопорядка во всей системе. Студенты боролись, и совершенно обоснованно, с тем, что власть использует полицию и карабинеров, превращая их в инструмент жестоких репрессий - вот в чем дело. И в этом смысле их с Пазолини представления совершенно совпадали.

И, несмотря на некоторые эксцессы, имевшие место в 68-ом, студенты («папенькины сынки») – в Италии и во многих других странах мира – боролись за глубокие моральные и политические изменения; они требовали, между прочим, «обновления» ВУЗов и университетов, требовали условий, облегчающих поступление малообеспеченным и снимающих имущественные барьеры; они жаждали разделаться с «блатом» и привилегиями. Власть в ответ на эти требования, используя «детей народа», подавляла любой протест

самыми разными способами, в том числе, антидемократическими. Что и приводило к жертвам.

Точно так же в Чили, несколько лет спустя, карабинерос, вернее, многие из них (происходившие из ещё более бедных слоев, чем тот итальянский люмпен-пролетариат), стали вооруженной силой пиночетовского переворота, поддержанного ЦРУ. Они действовали не по одиночке и не как люмпен-пролетариат, а как группа, обученная для выполнения определенных заданий. И первыми, кто погиб или пропал без вести в результате заговора против конституционно избранного правительства Сальвадора Альенде, помимо самого Президента, были студенты (естественно, в значительной части, из буржуазных семей) и рабочие.

Но Пазолини, на мой взгляд, не встаёт целиком на сторону полиции. В самом деле, поверхностные толкования его стихотворения, которые предлагали и отстаивали некоторые издания, не позволяли и не позволяют до сих пор с должным вниманием проанализировать «Апологию» – текст, который Пазолини написал после той заметки в стихах. Следовало бы прочитать его целиком, причем очень внимательно, чтобы понять подлинные намерения поэта и отбросить стереотипы вроде: «студенты – папенькины сынки», «полицейские – дети народа», на которых основываются бесконечные недоразумения и вульгарные спекуляции, снова имевшие место после событий июля 2001 в Генуе, в связи с выступлениями против «большой восьмёрки» и полицейским насилием, на которое сознательно пошло правое правительство.

Полагаю, будет достаточно кратких цитат из «Апологии», чтобы прояснить мысль Пьера Паоло Пазолини:

*«[...] Поэтому я хочу подчеркнуть, что писал эти ужасные стихи в нескольких регистрах одновременно, и поэтому они все «двойные», то есть, ироничные и самоироничные. Все сказано в кавычках. Фрагмент о полицейских – фрагмент *ars retorica*, который безумный болонский нотариус мог определить, в указанном случае, как «*captatio malevolentiae*». Можно сказать, кавычки провоцируют [...].»*

Вот в чем дело: провокация. Провоцируя студентов («а каким ещё способом войти с ними в контакт?»), Пазолини стремился побудить их к анализу – «за пределами как социологии, так и классического марксизма» – их мелкобуржуазного положения, чтобы преодолеть его, используя интеллект как инструмент критики («оставляя онтологическое и тавтологическое самоопределение «студентов» и соглашаясь быть просто «интеллигентами») и «сделать еще возможный последний выбор [...] в пользу небуржуазности».

Развитие этого анализа Пазолини предлагает нам в одной из статей рубрики «Хаос» в «Темпо» 17 мая 1969 года [выделено мной]:

«[...] Ровно год назад я написал стихотворение о студентах, которое студенты невинно восприняли как массовый продукт: то есть, ОТЧУЖДЕННЫЙ ОТ СОБСТВЕННОЙ ПРИРОДЫ посредством самого элементарного упрощения. Факт в том, что стихотворение, написанное мной для журнала «для немногих», «Нуове Аргументи», было вероломно напечатано в иллюстрированном журнале «Эспрессо» (я дал согласие только на один отрывок). Название,

появившееся в еженедельнике, не было моим, оно было лозунгом, который изобрел сам журнал, лозунгом («я ненавижу Вас, дорогие студенты»), который **ОТПЕЧАТАЛСЯ В ПУСТЫХ ГОЛОВАХ МАССЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ**, как якобы мой. Я мог бы шаг за шагом проанализировать те объективные изменения, которые произошли с текстом, напечатанным в «Эспрессо», благодаря массовости этого издания. Ограничусь замечанием о пассаже про полицейских. Я и раньше писал, в двух стихотворениях, о том, что симпатизирую полицейским, детям бедняков, больше, чем синьорам с факультета архитектуры Рима [...]; но никто из **ПОТРЕБИТЕЛЕЙ** не воспринял это как шутку, как **МАЛЕНЬКУЮ ОРАТОРСКУЮ ХИТРОСТЬ**, парадокс, нужный для того, чтобы привлечь внимание читателя и указать ему на последствия. В дюжине стихов полицейские были показаны объектами расовой ненависти в перелицованном виде, ибо у власти, кроме возможности **НАПРАВЛЯТЬ РАСОВУЮ НЕНАВИСТЬ НА БЕДНЫХ – ЛИШЕННЫХ ИМУЩЕСТВА** в этом мире – **ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ТАКЖЕ ПРЕВРАЩАТЬ БЕДНЫХ В ИНСТРУМЕНТ**, создавая с их помощью иной вид расовой ненависти. И казармы полицейских были показаны как особые «гетто», в которых «качество жизни» отстаёт, по-прежнему, очень сильно отстаёт от университетского...

Пьеро Сансонетти* **Предсказание Пазолини**

В легендарном июне 1968, ровно тридцать пять лет назад, Пьер Паоло Пазолини написал стихотворение против бунтующих студентов, в защиту полицейских. Разгорелся скандал. Только что отгремел французский май, в течение которого полиция самым жестоким образом обращалась со студентами. Борьба студентов продолжалась по всему миру: от колледжей Калифорнии, итальянских и немецких университетов, а также Праги и других коммунистических стран, до Испании и Греции, где были фашистские режимы. Пазолини был коммунистическим интеллигентом. Он навлек на себя гнев студенческого движения и обвинения со стороны левых партий.

Мы, молодежь той эпохи, с яростью восприняли это стихотворение, сочли его глупым и конформистским, с правым уклоном, и решили, что Пазолини – интеллигент-нарцисс, которому нравится только изумлять публику и носиться со своей индивидуальностью, что противоречило идее органического интеллектуала по Грамши. Происшедшее больно задело нас. Ведь мы читали книги Пазолини и смотрели его фильмы («Шпана», «Жестокая жизнь», революционное «Евангелие от Матфея», поэтические «Птицы большие и малые»), любили их, они очень сильно повлияли на нас, и, собственно, сделали теми самыми «оппозиционерами», которых он обвиняет и оскорбляет в своём стихотворе-

**Пьеро Сансонетти (1951), журналист, с 1975-го – в «Уните» (орган КПИ), с 2005-го – директор «Либерацияне» (орган Партии Коммунистического Возрождения).*

нии.

Сегодня это стихотворение Пазолини воспринимается совсем иначе. Это прекрасное стихотворение, полное нежности и резких слов, художественной силы и мысли, и, конечно, жестоких обличений (возможно, спорных, но очень мощных), а также гениальных политических предвидений.

Это не просто стихотворение «против студентов». В нем сказано четыре важнейшие вещи. Во-первых, буржуазия завоевывает мир, унифицирует его и ведет к стандартизации и единомыслию (Пазолини не использовал термина «единомыслие», но предвосхищал это понятие.) Во-вторых, мир все больше разделяется на богатых и бедных (категории рабочего класса уже не достаточно для понимания этого процесса). В-третьих, политика как простая борьба за власть – это старая, проигрышная политика. В-четвертых, 68 год это не революция, а гражданская война: то есть, феномен перегруппировки сил и идей внутри буржуазии. Каким бы обидным это ни казалось старому коммунисту, его вынуждают смириться, потому что это обновление, потому что это «улучшение», потому что это – реформирование.

Через несколько недель после первой публикации, «Эспрессо» – возможно, самый важный тогда итальянский журнал, без сомнения, самый современный и самый живой, опубликовал «форум» (тогда это называлось просто «обсуждением») по поводу стихотворения Пазолини, в котором приняли участие Витторио Фoa, Клаудио Петруччиоли (лидер коммунистической молодежи) и сам Пазолини. Вел «форум» заместитель директора журнала, Нелло Аджелло, были приглаше-

ны также два студента – анонимных – которые ограничились тем, что зачитали приговор стиховорению и ушли.

В том обсуждении*, Пазолини, с одной стороны, Фoa и Петручиолли, с другой, разошлись почти по всем пунктам. Пазолини сказал вещи, которые – если бы он был жив – он мог бы в общих чертах, без особых поправок, повторить и сегодня. Доводы же Фoa и Петручиоли, наоборот, кажутся устаревшими на век. Все это производит очень странное впечатление. Кажется, что Пазолини – единственный, кто предупреждает о важности 68-го и старается использовать все свои аналитические способности для постижения происходящего (то, что мы называли «классовым анализом»...).

Остальные, кажется, вообще не стремятся что-либо понять, применяя к хронике тех дней классический, с бюрократическим душком, инструментарий.

Пазолини утверждал, что происходит гражданская война внутри буржуазии (и критиковал отсутствие истинной революционности в этом восстании студентов), ведущие леваки, напротив, удовлетворённо отмечали активное полевание большей части молодёжи.

Скажем так: Пазолини жил в истории, политические руководители – в хронике. Пазолини жил в будущем, они – в недавнем прошлом.

Какие выводы можно сделать? Три вывода. Ясно, что Пьер Паоло Пазолини был исключительным интеллигентом, поэтом, проницательным человеком, гораздо более политизированным, чем считалось в его време-

*Стенограмму обсуждения см. на стр. 39.

на (возможно, это самый блестящий итальянский интеллигент послевоенного времени).

Мы также убеждаемся в том, что наши самые умные и современные политики (их представляли Фoa и Петруччиоли) боялись отказаться от готовых схем и заглянуть в будущее.

Наконец, я подозреваю, что стихотворение Пазолини понравится сегодня – как это ни парадоксально – тому, кто бунтовал в 68-ом и остался верен себе, и, наоборот, слегка ужаснет того, кто сегодня думает, будто 68-ой был юношеским чудачеством, которого нужно стыдиться.

Возможно, оно понравится также тем двум студентам (я не знаю их имен), которые, не желая участвовать в обсуждении в «Эспрессо», сказали Пазолини, что, если он хочет подискутировать с ними, то «они ждут его на баррикадах».

«Унита», июнь 2003

Л.В.

О «хитростях» Пьера Паоло Пазолини

Джулиано Ферраре* в марте 1968-го было семнадцать лет. Он учился во втором классическом лицее и утром Долины Джулия, с однокашниками, принял участие в шествии против полиции, защищавшей римский университет.

«Нет, никакой ностальгии. И никакого особого взгляда на те события. В событиях 68-го не было той значительности, которую им стали приписывать позже, через десять, двадцать, тридцать и, наверняка, через сорок лет. Конечно, в Валле Джулия произошло нечто новое. Я помню, сначала бросили яйцо и, возможно, несколько камней. Потом – атака полиции. И наш ответ. Это было впервые.

Рабочие и крестьяне, правда, уже двадцать лет как имели стычки с полицией. Но студенты ввели в политику неожиданный элемент радикализма. Политика утратила своё спокойное, мирное течение, она стала взвинченной, как во время войны.

Пазолини занял такую позицию совершенно не из солидарности с полицейскими. В его обвинении студентам не было ничего поэтического. Он просто увидел, что происходит во Франции, где молодёжь на-

**Джулиано Феррара (1952), сын крупного деятеля КПИ, сподвижника Тольятти, в 70-х – активист КПИ, в 1983 вышел из партии. Сейчас – известный правоконсервативный журналист, один из столпов медиа-империи Берлускони, сторонник запрета аборт и борьбы с «исламским экстремизмом». Организатор «факельного шествия в поддержку Израиля» (2005).*

зывала «старыми бородами» левую интеллигенцию. И по-хитрому попытался воспрепятствовать амбициозному поколению, посягнувшему на его пространство. Кроме случая в Валле Джулия, то движение не может быть объяснено с точки зрения провинциальных интеллигентов, с их узким и местечковым кругозором. Шестьдесят восьмой был явлением, охватившим весь мир, от Рима до Берлина, от Сан-Франциско до Мадрида: это была манифестация нового правящего класса, которому стало тесно в старых рамках. Мы были первыми в этом классе; в отличие от оборванцев 77-го*, не в обиду им будет сказано».

«Республика», 1 марта 1998

**Очевидно, имеются в виду «Красные бригады».*

Энцо Сичильяно*

Пазолини и 68-ой год Джулиано Феррары

Отвечая на вопросы о 68-ом годе, о столкновениях в Валле Джулиа между студентами и полицией, Джулиано Феррара вспомнил не только сам себя («мы были первыми в этом классе»), он вспомнил также Пазолини и его стихотворение против студентов.

«Пазолини занял такую позицию совершенно не из солидарности с полицейскими». Пазолини, согласно Ферраре, «просто» попытался противодействовать «амбициозному поколению, посягнувшему на его пространство». Итак, «хитроумие» Пазолини, плюс сопротивление «провинциальной интеллигенции» «новому правящему классу»...

Но я не собираюсь защищать сейчас Пазолини. Не думаю, что он нуждается в этом. Интересно другое – тот «класс», в котором был отличником Феррара. А он действительно был им: могу подтвердить это, потому что знал его семнадцатилетним. Но, на мой взгляд, история каждого человека либо усложняет, либо отменяет те или иные его качества.

Если Джулиано и был первым в классе, он не был «ботаником»: он был как раз из тех, кто пошел драться в Валле Джулиа, думая при этом о каком-нибудь пассаже из «Государства» Платона. Он мог знать и уважать также нелепые тезисы Сталина о лингвистике. Многие из итальянских коммунистов того времени, как и из коммунистической молодёжи, были такими.

**Энцо Сичильяно, (1934), писатель, критик, президент телеканала RAI в 1996-97. Автор книги «Жизнь Пазолини».*

Были и коммунисты, как писал Пазолини, «в двубортных пиджаках, любители бочке, любители литот».

Правда, нельзя сказать, что Джулиано любил литоты или логику компромисса: и это отличие уже тогда бросалось в глаза. И он не ощущал себя «первым в классе», «правлящем классе». Поэтому и пошел в Валле Джулиа, Отлично. Тот же Пазолини подчеркнул бы это участливо: отлично.

Но наш «первый в классе» сегодня взбрыкивает: выбрасывает Пазолини на свалку, называет его провинциалом и выносит ему приговор, который стоило бы вынести сегодня ему самому – ему, столь не похожему на того парня, который пошел в Валле Джулиа, чтобы поучаствовать в демонстрации и в штурме парадной лестницы римского факультета Архитектуры.

Пазолини же выставляется хитрецом или мошенником: человеком, который «запросто» предает огню и мечу итальянскую журналистику и литературу, защищая полицейских, «детей бедняков», нападая на студентов, «папенькиных сынков», боясь, что последние отнимут у него «пространство».

Семнадцатилетний «отличник», «первый в классе», все время думающий о Платоне, или о «Политике» Аристотеля, побывав в Германии, куда поехал, как настоящий буржуа, для пополнения своего философского образования, теперь, с годами, смотрит на мир лишь сквозь призму мелкого хитроумия и жульничества, о которых сам же и рассуждал несколько месяцев назад. Такого рода жульничество становится для него ключом к интерпретации истории, людей, культуры.

Но только ли ради этого велось то благородное, пророческое сражение в Валле Джулия однажды утром в марте 68-го, со всей его гордостью и благими намерениями? Стала ли единственным его итогом лишь деградация тех «первых в классе», в нарождавшемся «правлящем классе», которые решили тогда изменить политику и мораль целой страны, забрасывая камнями полицейские машины?

Я понимаю, что в этих риторических вопросах мало смысла, но, возможно, Феррара сознательно игнорирует всю полноту суждения Пазолини. Первые в классе могут быть сорвиголовами, но педанты должны оставаться педантами, въедливыми до тошноты.

Во всяком случае, я пытаюсь снова рассмотреть его довод, заодно с ещё несколькими цитатами из «Апологии». Пазолини тогда сознательно провоцировал студентов, «последнее поколение рабочих и крестьян». Он не без оснований боялся «буржуазной энтропии» («буржуазия становится человеческим состоянием»), и добавлял: «Те, кто от рождения следуют в русле этой энтропии, не могут быть, метафизически, вне её». Чем и провоцировал молодежь, то есть, студентов («как ещё можно было вступить с ними в контакт?»).

И как должна была подействовать эта провокация? Побудить их к освобождению – «за пределами как социологии, так и классического марксизма» – от мелкобуржуазности, к превращению в «интеллигентов», к использованию собственного интеллекта в критическом, а не в идеологическом и не в охранительном смысле. К изживанию методичного цинизма мелкого буржуа, которому во всем видится мелкий

прагматизм, жульничество или помойка.

Увы, «первый в классе» Джулиано Феррара не осуществил это разрыв, несмотря на все прочитанные книги, отмененные литоты и груз жизненного опыта. Наоборот, в итоге он усвоил ценности, заставляющие оценивать любой другой опыт с точки зрения цинизма и жульничества, которые в тот день в Валле Джулиа должны были быть растоптаны, чтоб никогда больше не возродиться. Феррара же остаётся в плену той самой онтологии, к освобождению от которой побуждал «провинциал» Пазолини.

«Република», 2 марта 1998

Франческо Варили*

**Июнь 1968 – «Компартия - молодёжи!»
(История плохо понятого и неудачно
использованного стихотворения...)**

В июне 1968-го Пазолини написал одно из своих самых обсуждаемых, самых известных, самых упоминаемых (часто перетолковываемых), но, в то же время, как ни парадоксально, одно из самых непонятых стихотворений: «Компартия - молодёжи!». Обсуждение студенческой борьбы, охватившей весь мир, происходило и в Италии; Пазолини написал несколько стихотворений, навлекших на него острую критику со стороны студенческого движения и левых партий.

В самом стихотворении очевидна ирония и несколько уровней прочтения, но многие не сумели уловить эти оттенки. Позже Пазолини давал разнообразные пояснения: вслед за Анжелой Мольтени, опубликовавшей замечательную статью на www.pasolini.net, я приведу несколько цитат из статьи, датированной 17 мая 1969: «[...] Ровно год назад я написал стихотворение о студентах, которое студенты невинно восприняли как массовый продукт: то есть, отчужденный от собственной природы посредством самого элементарного упрощения. Факт в том, что стихотворение, написанное мной для журнала «для немногих», «Нуове Аргументи», было вероломно напечатано в иллюстрированном журнале «Эспрессо» (я дал согласие только на один отрывок).

**Франческо Варили – один из создателей сайта www.reti-invisibili.net, посвященного жертвам полицейских репрессий.*

Название, появившееся в еженедельнике, не было моим, оно было лозунгом, который изобрел сам журнал, лозунгом («я ненавижу Вас, дорогие студенты»), который **ОТПЕЧАТАЛСЯ В ПУСТЫХ ГОЛОВАХ МАССЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ**, как якобы мой. Я мог бы шаг за шагом проанализировать те объективные изменения, которые произошли с текстом, напечатанным в «Эспрессо», благодаря массовости этого издания. Ограничусь замечанием о пассаже про полицейских. Я и раньше писал, в двух стихотворениях, о том, что симпатизирую полицейским, детям бедняков, больше, чем синьорам с факультета архитектуры Рима [...]; но никто из **ПОТРЕБИТЕЛЕЙ** не воспринял это как шутку, как **МАЛЕНЬКУЮ ОРАТОРСКУЮ ХИТРОСТЬ**, парадокс, нужный для того, чтобы привлечь внимание читателя и указать ему на последствия. В дюжине стихов полицейские были показаны объектами расовой ненависти в перелицованном виде, ибо у власти, кроме возможности **НАПРАВЛЯТЬ РАСОВУЮ НЕНАВИСТЬ НА БЕДНЫХ – ЛИШЕННЫХ ИМУЩЕСТВА** в этом мире – **ЕСТЬ ВОЗМОЖНОСТЬ ТАКЖЕ ПРЕВРАЩАТЬ БЕДНЫХ В ИНСТРУМЕНТ**, создавая с их помощью иной вид расовой ненависти».

На этом можно было бы закончить разговор, если бы **И ПО СЕЙ ДЕНЬ**, несмотря на последующие разъяснения автора, в «пустых головах массы потребителей» ни оставался бы только поверхностный след первого прочтения. До сих пор случаются попытки спекулировать на этом тексте, с его якобы упрощенной и некритичной прополицейской и антистуденческой позицией. Его, можно сказать, употребляют как боевую дубину

на новом этапе социальной борьбы. Поэтому было бы правильным рассмотреть эту проблему глубже: я хотел бы сделать это по-своему, начну с собственной истории.

Я – сын полицейского. Поверхностный читатель может поразиться этому «признанию», и поинтересоваться, что же делает сын полицейского на таком сайте, как «Невидимые Сети», или даже захочет допросить меня, какими запутанными психологическими тропами и в борьбе с какого рода чувством вины я стал одним из авторов этого сайта.

Попробуем внести некоторую ясность. Мой отец, 1926-го года рождения, партизан и коммунист, десятый из двенадцати детей в семье, после войны пошел работать в государственную полицию. Я думаю, это одно из немногих мест, куда можно было устроиться. Предполагаю также, что отец не был единственным молодым партизаном, которому пришлось сделать этот выбор, и этот феномен требует более серьезного анализа; вероятно, сразу после войны «проблема», состоявшая в том, что молодежь имела на руках огромное количество оружия и пребывала в «ярости», вызвала серию мер со стороны власти: одной из таких мер была вербовка молодых людей в силы правопорядка.

Я никогда не говорил с отцом о том, как и почему он пошел в государственную полицию; я говорил с ним о том, как и почему он ушел из неё – в 1971 (если не ошибаюсь), с тремя детьми, которых нужно было обеспечивать, он предпочел пойти на фабрику токарем: слишком трудно коммунисту быть полицейским, сказал он мне.

Больше я тогда не расспрашивал; похоже, у него не было желания рассказывать мне что-либо по существу. Я не допытывался, почему отец поменял работу (просто мне, наивному ребёнку, было жаль, что отец перестал выглядеть таким здоровяком в форме, с кобурой для пистолета); в юности же я относился к нему с легкомысленностью и высокомерием молодого бунтаря, которого мало интересуют ценности родителей. Отец тоже относился ко мне с недоверием. Было сложно преодолеть отчужденность двух поколений, и мой интерес, возникший во взрослом возрасте, оказался, к сожалению, запоздалым для обоих...

Но дело не в этом: у отца была масса благородных качеств и масса недостатков, как и у всех, и я не отношусь к людям, полагающим, будто дети непременно должны наследовать те или иные достоинства или недостатки отцов. Для меня здесь важны два соображения. В первую очередь, все это помогло мне понять, что реальность имеет тысячи оттенков, даже когда она представляется нам в виде упрощенных противопоставлений. Во-вторых, эта история показала мне, что оценивать лично людей, связанных с определенными структурами (или мотивы и обстоятельства, определившие эту принадлежность) это одно, а оценивать сами структуры это совсем другое.

И здесь мы возвращаемся к Пазолини, который вполне разобрался в этой теме. Он знал, что силы порядка в Италии, как и за границей, были крайне жестоки и много раз убивали манифестантов до 1968-го. Он знал, что проблема не в каком-то низкооплачиваемом люмпен-пролетариате на полицейской службе, а в той роли, которая была ему уготована. Иными сло-

вами, он, конечно, знал, что существуют «хорошие» полицейские и «плохие» полицейские, но, что, будучи защитниками существующего порядка, ВСЕ полицейские представляют совершенно однородную сущность, инструмент подавления. Разделение мира на богатых и бедных усиливалось, и настоящему врагу (Власти) хватило ума на то, чтобы успешно использовать ещё и «верных» ему бедняков против «других». В своём стихотворении Пазолини стремился подчеркнуть всю парадоксальность и опасность этой ситуации.

Но если отвратительное использование слов Пазолини правыми понятно, то в извращенной логике политической борьбы «по-итальянски» (в которой часто используются не факты и идеи, а искаженные подобию того и другого) близорукость левых перед высказанной позицией интеллигента менее простительна; а, главное, её последствия, похоже, оказались настолько же деструктивны.

Следует уточнить, что модель полицейского как «низкооплачиваемого люмпен-пролетария» уже в прошлом, но совершенно ясно, что мы, левые, так и не осмыслили то, насколько важной была борьба за «демократический дух» внутри полиции, за внедрение ненасильственных методов. Вместо этого мы примирились с тем, что полиция априорно играет роль «врага». Чтоб подтолкнуть к дальнейшему размышлению на эту тему, я заканчиваю статью цитатой из моего интервью со Стефано Тассинари, болонским писателем, автором «Знаков на коже», романа о трагических июльских днях 2001 в Генуе*:

**Имеется в виду противостояние полицейских и альтерглобалистов во время встречи “Большой Восьмерки”.*

«Я думаю, они специально отбирали людей для отправки в Геную. ... Я думаю, ошибка этих лет состояла в том, что не была продолжена борьба, начатая в начале 80-х, борьба за «демократизацию» полиции. После демилитаризации полиции мы оставили их в покое, решили, что работа закончена... Теперь же, особенно в последние годы, развивается обратный процесс – методичный отбор и политическое образование новых рекрутов...»

22 сентября 2005, www.reti-invisibili.net

«Я ненавижу вас, дорогие студенты»

Круглый стол в газете «Эспрессо»

16 июня 1968 по поводу стихотворения

Пьера Паоло Пазолини «Компартия - молодёжи!»

В обсуждении, которое ведёт Нелло Аджелло, участвуют, кроме Пазолини, Витторио Фоа**, секретарь Всеобщей итальянской конфедерации труда, Клаудио Петруччиоли***, национальный секретарь Итальянской федерации коммунистической молодёжи, и два делегата от Студенческого движения. Два делегата от студенческого движения, приглашенные нами в редакцию «Эспрессо» для участия в этом круглом столе, ограничились тем, что прочитали декларацию по поводу стихотворения Пазолини, а от дальнейшего обсуждения отказались. Вот их декларация.*

**Нелло Аджелло (1930), журналист «Эспрессо», затем «Републики», автор книги «Интеллектуалы и КПИ: 1958–1991» (1997)*

***Витторио Фоа (1910), ветеран итальянского левого движения, участник Сопротивления, член Соцпартии, затем Социалистической партии Пролетарского Единства, затем партии Демократических левых сил. С начала 1992 отходит от политики, пишет книги автобиографического, политического и т. п. толка.*

****Клаудио Петруччиоли (1941), журналист и политик, состоял в КПИ, президент Федерации Итальянской Коммунистической Молодежи с 1966 до 1969. В 1975 стал одним из создателей общественной монопольной телекомпании, RAI. Председатель КПИ с 1987, затем – член партии Демократических левых сил. В 1980–1983 – директор газеты «Унита», с 2005 – президент RAI.*

Первый студент: По мнению Студенческого движения, выступления и действия революционных политиков должны происходить не в редакции «Эспрессо», а на баррикадах и на оккупированных фабриках. Поэтому Студенческое движение готово к встрече с Пазолини, но в подобающем для революционной политики месте.

Второй студент: Мы решили не нападать на Пазолини, поскольку сама история опровергает его стихотворение. И все же мы думаем, что, прежде, чем писать на эту тему что-либо ещё, Пазолини стоило бы лучше узнать молодежь, о которой он говорит.

Для этого достаточно, например, прийти на баррикады (возможностей хватает во всей Европе), или почитать кое-что. Прочитываем классика, для краткости, потому что классики пишут ясно и слов на ветер не бросают. Ленин писал в «Что делать?»: «Учение же социализма выросло из тех философских, исторических, экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих классов, интеллигенцией. Основатели современного научного социализма, Маркс и Энгельс, принадлежали и сами, по своему социальному положению, к буржуазной интеллигенции. Точно так же и в России теоретическое учение социал-демократии возникло совершенно независимо от стихийного роста рабочего движения, возникло как естественный и неизбежный результат развития мысли у революционно-социалистической интеллигенции. К тому времени, о котором у нас идет речь, т. е. к половине 90-х годов, это учение не только было уже вполне сложившейся программой группы

«Освобождение труда», но и завоевало на свою сторону большинство революционной молодежи в России». Кроме того, мы хотели бы обратить особое внимание Пазолини на эту фразу: «Таким образом, налицо было и стихийное пробуждение рабочих масс, пробуждение к сознательной жизни и сознательной борьбе, и наличность вооруженной социал-демократической теорией революционной молодежи, которая рвалась к рабочим». Конец цитаты.

Что касается полицейских, то Пазолини следовало бы знать, что такое государство. А если он не знает, тогда имеет смысл прочитать работу Ленина «Государство и революция», где достаточно ясно объяснено, как образуется ничтожное меньшинство эксплуататоров, господствующее над угнетенным большинством. А теперь представители движения должны уйти, потому что им нужно попасть на «Аполлон», фабрику, захваченную рабочими. Нас там ждут.

Аджелло: Стихотворение Пазолини призывает к ответу студенческое движение, рабочий класс и компартию. Студенческое движение отвечает цитатой из «Что делать?». Послушаем другие мнения.

Фоа: Мне не понравилось стихотворение, я считаю его очень скверным. И всё же оно любопытно: не тем, что сказано в нём о студентах или рабочем движении, а тем, как оно показывает самого Пазолини. У Пазолини застывшее видение классовой борьбы и рабочего движения. Он не понимает студентов именно потому что они сегодня не относятся к рабочему классу: рабочий класс сегодня сократился вдвое по

сравнению с 50-ми, а это очень большая разница. Пазолини говорит о рабочих, которые не знают английского и французского, и максимум, что им удастся выучить, это несколько слов по-русски; я хотел бы напомнить, что сегодня в крупных городах Севера тысячи и тысячи молодых рабочих идут в вечерние школы и учат языки, изучают технические и гуманитарные дисциплины. И именно поэтому они находят общую почву со студентами.

Петруччиоли: Пазолини не просто не понимает рабочий класс, мне кажется, он его просто игнорирует. В представлении Пазолини рабочего класса нет и никогда не было. Он разделяет человечество на богатых и бедных, на людей, которые дурно пахнут или не дурно пахнут: в этом смысле симптоматична часть стихотворения, посвященная полицейским.

Упускается очень важная деталь: политическая роль того или иного социального слоя связана не с его «бедностью», а с его конкретным местом в процессе производства, и, таким образом, с возможностью приобретать революционное сознание.

По той же причине Пазолини ошибается насчет студентов, которые якобы не могут судить о своем настоящем положении, поскольку они, в основном, дети буржуа, а могут судить лишь о роли, которую играют сегодня в общественной диалектике и о своем непосредственном поведении. В общем, Пазолини воспринимает социальные классы как поэтические противостоящие сущности: Бедные и Богатые. Видя рабочий класс только в популистском ключе, он отказывается понимать студентов. Это правда, что студенческое

движение составляют в основном выходцы из буржуазии, но это говорит как раз о том, что буржуазная гегемония переживает кризис в сегодняшнем обществе. В свою очередь, организованное рабочее движение пытается завоевать гегемонию в тех слоях, которые уходят от буржуазии, но нам это удастся только частично.

Пазолини: Все то, что вы сказали о моей поэзии, связано с тем, что это плохие стихи, то, есть неясные. Эти плохие стихи я написал во множестве регистров одновременно: и, таким образом, они все «раздвоенные», то есть, ироничные и самоироничные. Все сказано как бы в кавычках.

Аджелло: Значит в этом стихотворении ничего нельзя воспринимать буквально: ни пассаж о полицейских, ни пассаж о рабочих...

Пазолини: Пассаж о полицейских – пассаж в духе «*ars retorica*», которую безумный болонский нотариус мог определить как «*captatio malevolentiae*»: кавычки оттого, что это провокация. В кавычки также взяты, например, два пассажа про старых рабочих, которые идут вечером в ячейку, чтобы учить русский язык, и про эволюцию старой потрепанной КПИ. Кроме того, что эти образы рабочего и коммунистической партии вполне реальны, в моем стихотворении они играют ещё риторическую и парадоксальную роль: они провоцируют. Фoa говорит мне, что рабочий класс уже не тот, который я описываю. Но я (безотносительно провокаций) думаю, что Фoa тоже ошибается, тоже

строит иллюзии. Рабочий класс действительно изменился, но это касается незначительного меньшинства на Севере. Здесь в Риме, о котором я пишу, почти ничего не изменилось с 50-х – ни на рабочих местах, ни в коммунистических ячейках. Фoa обвиняет меня в инертности. Возможно, моя инертность притворна – это лишь провокационная форма полемики.

Могу объяснить: истинная мишень моего гнева – не столько молодежь, которую я хотел спровоцировать на свободную и братскую дискуссию; объект моего презрения это именно взрослые, те мои сверстники, которые строят из себя невинность, заискивая перед молодыми. Я публикую эти плохие стихи, чтобы донести вот что: я всю жизнь ненавидел старых буржуазных моралистов, а теперь должен возненавидеть и их детей, не роботов, а бунтарей, кроме тех немногих, которых ждёт моя несчастная судьба, а, возможно, ещё более несчастная, поскольку их товарищи будут морализировать в тысячи раз больше своих отцов...

Фoa: Стихотворение опубликовано, и никакие авторские интерпретации здесь уже не важны. Оно попадает в определенный социальный контекст, в определенный период времени: в тот период, когда молодежь, вопреки всем иллюзиям Пазолини, переживает серьёзные трудности. Я говорю о студентах и о рабочей молодёжи: по моему мнению, имеет место общая операция по изоляции молодёжного движения. К этому прилагаются нешуточные и весьма разнообразные усилия: в том числе, попытка – к счастью, провалившаяся – мобилизовать рабочие и профсоюз-

ные организации против молодёжи. Готовится погром, не обязательно кровавый, но погром. И вот этому альянсу сил, которые пытаются изолировать молодёжь, не хватало голоса поэта. И голос раздался, молодёжь оказалась обвинена в лживости и мелкобуржуазности. Как можно утверждать, Пазолини, что эпизод в Валле Джулия заключал в себе нечто противоположное классовой борьбе? Что с того, что полицейские бедны и вышли из крестьянских лачуг? Разве солдаты Временного Правительства, которые в июле 1917-го бросали большевиков в тюрьмы, избивали их и вынуждали эмигрировать, не были такими же бедными крестьянами в вонючих мундирах, боровшимися с буржуазией большевистского направления?

Аджелло: Мне кажется, что стихотворение «КПИ – молодёжи!» абсолютно в духе всего предыдущего творчества Пазолини. Его идол, его поэтический материал это не рабочий класс, а класс люмпен-пролетариев. Фoa, вы согласны со мной?

Фoa: Но люмпен-пролетариат тоже меняется, Пазолини должен был бы знать об этом. Те молодые рабочие Севера, которые идут в школу, и которые еще до студентов противостояли полиции, в Милане, в Турине, в Валдано, те рабочие, которые заняли на двадцать дней сталелитейный завод в Бари, – в большой степени, бывший южный люмпен-пролетариат. Они осознают, что условия их эксплуатации ставят проблему класса и власти. Молодые люди сегодня выдвигают требования радикальной реформы общества, в котором они живут. Они – молодые студенты

и молодые рабочие...

Петруччиоли. И происходит опасный маневр: достаточно посмотреть на газеты крупной буржуазии. Я доверяю газетам крупной буржуазии: они молниеносно определяют, что опасно в данный момент для своего класса. И что же делают они сегодня? Они делают все, чтобы помешать слиянию студенческого движения и рабочих организаций, раз за разом представляя студентов как буржуа или как китайцев. Поэтому стихотворение Пазолини ошибочно и несвоевременно: если задача наших противников – разделить наши силы, то мы должны четко определить нашу задачу: способствовать этой смычке, делать всё, чтобы она произошла.

Аджелло: Пазолини, вас называли «поэтом погрома». Вы будете оправдываться?

Пазолини: То, что моё стихотворение неправильно понято, уже не важно. В любом случае, мы здесь, чтобы говорить, и говорить без обиняков. По крайней мере я, не знаю, как вы. И я говорю в своём стихотворении: вы, студенты, папенькины сынки, и я ненавижу вас, как ненавижу ваши папочек. Но почему я так говорю? Вот почему: до моего поколения включительно, молодежь видела перед собой буржуазию как объект, как отдельный мир. Мы могли смотреть на буржуазию объективно, мы видели её с небуржуазной, а с рабочей или крестьянской точки зрения. Для сегодняшней молодежи дела обстоят иначе: ей очень трудно смотреть на буржуазию объективно, видеть в ней другой социальный класс. Почему? Поскольку бур-

жуазия побеждает, она обуржуазивает с одной стороны рабочих, с другой стороны – крестьян. В общем, посредством неокapитализма буржуазия намеревается стать обществом как таковым, влиться в мировую историю.

Петруччиоли: Как можно сегодня говорить, что буржуазия намерена влиться в мировую историю? Мы видим Вьетнам и народы Третьего мира, Францию и европейский рабочий класс, американских чернокожих, студентов. Это силы, которые в настоящее время вершат историю своими идеями и своей борьбой: и они против буржуазии.

Аджелло: А вы, Фoa? Вы согласны с Пазолини, что неокapитализм обладает огромной способностью поглощать и нейтрализовать энергию и сознание?

Фoa: Да, я тоже так считаю. И я знаю, что школа – один из инструментов в распоряжении неокapитализма, возможно, самый важный. Но студенческое и рабочее движение борются с этой ситуацией. И в этом состоит настоящая новизна текущих событий. Сегодня мы присутствуем при революционном процессе, или, по крайней мере, наблюдаем симптомы, первичные, но бесспорные. И мы видим, что в этом процессе рабочий класс и студенческое движение действуют заодно. Когда французские рабочие занимают фабрику, они запирают на ключ директора (не потому что он плохой, наоборот, они говорят, что он отличный малый и на нем нет той вины, которая лежит на власти), они поднимают красный флаг и поют Интернационал –

перед нами ситуация, которая абсолютно однозначна. Вы, Пазолини, можете упрекать меня в несдержанности: но сейчас я сужу людей, исходя из того, по какую сторону они находятся.

Пазолини: Нет, позвольте мне прояснить. Я решительно на стороне французских рабочих, которые заняли фабрику и заперли на ключ директора. Но, в то время как рабочий, когда он восстает и занимает фабрику, устраивает революцию, студент, занимая университет, устраивает только гражданскую войну. Нам нужно ясно понимать это различие. Поэтому я говорю студентам: «Имейте в виду, между вами и рабочими слияние невозможно. Уксус и масло не смешиваются». Я присутствовал 8-го мая при незабвенном выступлении дуэта Скальцоне* – Лонго**. Известно, что в последнее время студенты поняли, что нельзя забывать про рабочих, и вот они собрались продемонстрировать свою поддержку. Единственное же, чего они добились, это фальшивое вдохновение журналистов «Униты». И стала ещё более очевидна разница между физиономией и телом студента с одной стороны, и физиономией и телом рабочего, с другой.

Аджелло: Уместно было бы уточнить, почему студенческий бунт трансформируется в гражданскую войну,

**Оресте Скальцоне (1947), левый активист, участник событий в Валле Джулия. В 1969 создал вместе с Тони Негри автономистскую группу Potere Operaio («Власть рабочих»). В 1979 году был арестован, в 1981 бежал во Францию.*

***Луиджи Лонго (1900–1980), секретарь КПИ с 1964 по 1972, сторонник сближения с новыми левыми.*

а не в революцию.

Пазолини: Потому что масса «диссидентствующих» студентов хотят провести реформы за один день вместо десятилетия, и хотят, чтобы их было тысячи вместо одной. Эти самые благородные Пьерини не хотят слепо принимать систему, они желают управлять ей. А что это значит? Это значит, что буржуазия громоздит баррикады против себя самой, что «папенькины сынки» поворачиваются против «папочек». Цель студентов – уже не революция, а гражданская война. Но, я повторяю, гражданская война – это священная война, которую буржуазия ведёт против самой себя ...

Фоа: Пазолини, позвольте мне, ещё раз, личную критику. Вы сетуете на существующее и грядущее всемогущество буржуазии, боитесь ужасных козней неокapитализма, который захватывает и разлагает всё и вся. Но одновременно вы пишете стихотворение против студентов и подаёте его как «провокативное», «самокритичное» и так далее. Вы хотите, чтобы это стихотворение обсуждали, пусть даже его разносят в пух и прах, лишь бы о нём шла речь. Вы критикуете сами себя, провоцируете других критиковать вас, противоречите сами себе. И какой результат? Оценка рыночной стоимости вашего продукта. Это о коммерческой стороне. С политической же точки зрения вы в своей оде предлагаете помощь врагам студенческого движения, весьма ценную помощь. Поэтому я думаю так: прежде чем начинать борьбу с системой, нужно понять, до какой степени ты сам у неё в плену. Первый эксперимент должен быть проведен перед зеркалом.

Пазолини: Мне трудно отвечать. Мне пришлось бы для этого устроить суд над самим собой, саморазоблачиться. Вывалить кишки на этот стол. Случай очень сложный. Что касается меня, я не отдавал отчет, до вчерашнего дня, в невероятной стоимости этой оды, я даже не думал оценивать ее. Возвращаясь к студентам – если только их самокритика будет исчерпывающей, суровой, строгой и справедливой, то их движение действительно сможет помочь рабочим.

Аджелло: Хотелось бы понять тогда, в чем именно студенческое движение должно само себя критиковать? Вы, Петруччиоли, что думаете об этом?

Петруччиоли: Мне кажется, все проблемы, которые мы обсуждали до сих пор, присутствуют в поле зрения студенческого движения. Никто в движении, кроме небольшой группы людей, не утверждает, что раньше революцию делали рабочие, а сегодня ее делают студенты. Ведется поиск оригинального курса социалистической революции, которым следовали бы рабочий класс и его союзники, в том числе прогрессивные студенты.

Пазолини: Возможно, это ошибочный, слишком поэтический взгляд на вещи, но, по-моему, такое невозможно. Во Франции я вижу с одной стороны рабочих, с другой – студентов. И лишь несколько частных случаев объединения.

Аджелло: Представители студенческого движения, которым мы предложили прокомментировать стихо-

творение Пазолини, процитировали два отрывка из «Что делать?» Ленина и ушли. Пазолини, что вы думаете об этих цитатах?

Пазолини: Цитаты, которые привели студенты, неудачны: мелкий буржуа, о котором говорил Ленин, существовал полвека назад. Сегодня его нет. У сегодняшнего мелкого буржуа нет больше не только крестьянских деда и бабки, но также прадеда и прабабки; он не пережил антибуржуазный революционный опыт, зато вкусил неокapиталистическую жизнь, проблемы повальной индустриализации. Сегодняшняя молодежь не отдает себе отчет, насколько отвратителен сегодняшний мелкий буржуа...

Аджелло: Я хотел бы спросить у Петруччиоли, коммуниста, каково ему было увидеть в «Правде», две недели назад, жестокое отлучение от церкви мятежных студентов Парижа, последователей Маркузе и так далее.

Петруччиоли: Я уже комментировал в «Юните» статью в «Правде». Её основная ошибка в том, что не учитывается политический климат, в который она попадает. Например, тот факт, что в эти же дни, например, в «Коррьере делла Сера», публиковались большие заголовки типа «Французские рабочие против студентов». Хотя такого рода эпизодов не было вообще, нам, коммунисты, нужно ещё потрудиться, чтобы произошла смычка между рабочими и студентами. В Италии мы работаем над этим.

Пазолини: Значит, вы, коммунисты, согласны со мной, что существует значительная, фактически природная разница между студентами и рабочими?

Петруччиоли: Рабочее движение существует уже полвека, студенческое движение только родилось. Есть разница в языке, в традиции, а также в социальном происхождении и в теоретической базе.

Фоа: Существует не только та историческая разница, о которой говорит Петруччиоли, существует также враждебная классовая политика – особая, непрерывная, упорная, демагогическая, сеющая раздор между студентами и рабочими. Ваша ода, Пазолини, включается в этот хор.

Пазолини: Но я не следую никакой политической тактике. Если я ошибаюсь, это ничего не влечет за собой. Я совсем не политический человек.

Аджелло: Но вы, Пазолини, только что говорили, что ваше стихотворное произведение - это политическая поэзия?

Пазолини: Это политика неполитического писателя, не входящего ни в какую партию.

Петруччиоли: Но всё-таки, что хочет сказать Пазолини своим стихотворением? Что студенты должны распустить студенческое движение? Что мелкий буржуа должен отринуть свою мелкобуржуазность, чтобы стать революционным? С этим требованием все со-

гласны. Давайте тогда посмотрим, что на самом деле делают студенты. Их основной лозунг: «Хозяева – вон из школы!». Они ищут связь с рабочим классом, хотят радикального преобразования буржуазного общества, преодоления западной цивилизации. Вот, что делают студенты.

Пазолини: Это их желание. Это – то, чего они хотят. А в действительности все иначе: они – буржуа, дети своих папочек, плоть от плоти своих отцов. Они говорят, как отцы, так же видят жизнь с точки зрения закона, они конформисты до мозга костей. Я хотел спросить у вас: в чём, по-вашему, разница между студентом и интеллигентом? Для меня это одно и то же. Студентам пора бы перестать называть себя студентами. Зачем? Пусть назовутся «интеллигентами». Все знают, что университет в Италии – классовое учреждение. Определение «студент» сразу же заставляет усомниться в том, что ты представляешь низшие классы.

Петруччиоли: Мне кажется немного бесполезным обсуждать слова. В Риме, после событий в Валле Джулия, представитель студенческого движения на митинге обратился к полицейским. «Мы хотим такого университета, в котором могли бы учиться и ваши дети», – вот главное, что он сказал. Это важный призыв. По моему мнению, в университете, как и в обществе, интеграция студентов и рабочих вполне возможна. Если бы мы решили, что она невозможна, то побудили бы студентов встать на сторону буржуазии, которая породила их на свет, и отстаивать её интересы, а не бунтовать против неё. Мы вынудили бы их

сделать шаг назад. А закончилось бы это всё возникновением новой категории «отверженных». Не просто «отверженных этим миром», а проклятых от рождения.

Анжела Мольтени

Франко Фортини* – Пазолини: «Против студентов»

В конце мая 1968-го редакция «Эспрессо» попросила меня принять участие в «круглом столе» по поводу антистуденческого и прополицейского текста Пазолини. Я написал Пьеру Паоло письмо, намереваясь огласить его при случае. Затем поехал в Рим, но не для того, чтобы участвовать в «круглом столе». Текст, который я привожу здесь, был прочитан мной лично Пазолини, таким образом я внес свою лепту в эту историю. У нас был долгий разговор в римской редакции. Письмо я опубликовал лишь через два года после его смерти, в 1977-ом.

Против студентов

Эта статья из «Правды», написанная Амендолой** и подписанная Пазолини, не потрясла меня. В последние десять лет я не имел излишних иллюзий насчет твоей способности понимать политику. Для тебя классовая борьба почти всегда была только борьбой бедных против богатых, а в отношениях между буржуазией и пролетариатом лежал всего лишь обычный конфликт рациональности и иррациональности. Когда экономическая отсталость Италии ещё вводила в за-

**Франко Фортини (1917–1994), поэт, художник, переводчик, критик, одна из ключевых фигур итальянской культуры 20 века. Член Социалистической партии в 1944–1958.*

***Джорджо Амендола (1907–1980) – деятель итальянского рабочего движения. В 1954–66 член Секретариата ИКП, с 1966 член Политбюро ИКП.*

блуждение, ты воспевал эту иллюзию в стихах. Потом, когда реальность начала ускользать от тебя, ты преследовал её, как самолет, который хочет лететь со скоростью земли, лишь бы всегда быть в свете солнца.

Ты начал искать пролетариат, вернее, бедных и их красоту, за пределами Европы – в Азии и Африке. И даже в Америке, с её искусственным цветочным непослушанием. Когда угнетение приняло новые формы, ты не понял этого. Ты зациклился на элегии. Ты потерял право на мысль, потому что не никогда не чувствовал себя обязанным мыслить.

Ярлыки неудовлетворенности, бессильного честолюбия, безнадежного снобизма и сексуального разложения, которые ты навешиваешь на буржуазных студентов, – это обычные мелкобуржуазные мифы, живущие в тебе самом. А для рабочих это всё – настоящие последствия угнетения. Но тебе кажется, что рабочие сейчас – это только строители-иммигранты.

Как можно обсуждать все и одновременно ничего? Во имя аристократической свободы противоречия, ты занимаешься самоотрицанием и самовыражением, говоря о «фанатическом дуализме» и о «раздвоенности». Тем самым, ты обращаешься только к снобам и собственным единомышленникам.

Ставить в вину студентам их реформизм за завесой революционной риторики – значит не понимать, что рабочие тоже ведут политическую борьбу почти всегда в профсоюзной форме (посмотри на Францию). Советовать студентам занимать штаб КПИ – значит иметь мифологическое и риторическое представление о политической борьбе. И весьма провокационное. Студенты-захватчики были бы изгнаны с виа делле

Ботегге Оскуре как «фашисты». Полагать, что руководители студенческого движения хотят устроить студенческую революцию – это все равно, что приписывать Маркузе авторство идей, порожденных сорокалетним развитием культуры и политической борьбы, причем не только в Европе.

Ты находишься в плену механического разделения на «буржуазию» и «мелкую буржуазию». Ты сильно презираешь социологию: но это тоже социология, только её другая, психологическая сторона, и именно она порождает твою интерпретацию. Идеологический и психологический фатализм формирует твою схему мелкобуржуазного поведения интеллигентов (капитуляция и экстремизм) и мешает анализировать происходящее. Социология и психология вынуждают забыть о том, что в каждый конкретный исторический момент существуют второстепенные противоречия и основные противоречия, и в каждый конкретный момент противоречия воплощаются в том или ином социальном слое. Мистическая вера в недоразвитый слой общества ошибочна не потому, что она абстрактно отрицает первенство рабочего класса, а потому, что её носитель не понимает одного факта: в конкретной исторической фазе и в отдельной взятой стране крестьяне могут быть главным субъектом классовых противоречий, а в другой ситуации могут и не быть таковым. И не существует статической – социологической или психологической – типологии крестьян, рабочих или мелкобуржуазных студентов.

Настоящее и будущее студенческих движений. Слишком серьезная тема, чтобы говорить об этом здесь. К тому же я недостаточно квалифицирован. В течение

последнего года произошло очень нужное оживление. Его и нужно обсуждать, а не текст, написанный одним из крупнейших наших писателей. В моих доводах – грусть и отторжение. Отказ от собственных слов и кокетство, которые часто можно найти в твоих текстах, особенно в последнем – доказательство твоего глубокого презрения к небуржуазному читателю. Ты хочешь завоевать, при помощи оскорбления, ту самую молодую буржуазную интеллигенцию, тех самых протира-телей штанов, которые с 1962-го, в Риме, читали тебя в «Вие Нуове» как «теоретика» нового коммунизма. Потому что только они способны оценить твою декламацию, раскаяние, муки и тому подобное. Если бы произошла гражданская война, молодежь ни за что не приняла бы тебя в свои ряды. С твоими предпочтениями ты можешь стать только итальянским Евтушенко, бардом Косыгина.

Тебя ободряет КПИ и священники, тыходишь теперь в какую-то Большую Коалицию, в священный – национальный и международный – Союз. А знаешь почему? Потому что на тебе грех самонадеянности. Ты поверил в возможность править аудиторией так и сяк, всеми возможными способами. Тебе было не достаточно быть Д' Аннунцио*, ты хотел быть ещё и Малапарте**.

**Габриэле Д'Аннунцио (1863–1938) – крупный литератор, военный, певец «сверхчеловека», активный участник империалистической и фашистской политики.*

***Курцио Малапарте (1898–1957), писатель и журналист, в 20-е – сторонник фашизма, затем постепенно переходит на антифашистские позиции, после войны сближается с левыми, незадолго до смерти вступил в Компартию. Роман «Капут» (1944) – сатирическое разоблачение нацизма.*

С твоей взрывчатой гениальностью можно сделать много всего прекрасного. Невозможно только одно: прорваться от эстетизма к истории и политике: к подлинному, а не демагогическому отказу от монологичности и нарциссизма.

Ты демонстрируешь своё глубинное призвание – быть лирическим фидуциаром* той силы, которую ты называешь «старая бедная тольяттинская коммунистическая партия». Но этого бедного старика – как и рабочих, которые, «бедняжки», изучают русский язык по вечерам – не существует. Это КПИ твоей молодости. Тебе дают возможность мечтать об этом настоящие идеологические агенты ревизионизма, те, кто последовательно и успешно способствовал превращению политики сосуществования в самую трагическую реальность наших дней, те, против которых восстают сегодня люди по всему миру (от Кубы до Пекина, от Ханоя до Парижа, от Берлина до Боливии): и эта политика – единственная революционная реальность нашего времени. Требовать сегодня веры в советский коммунизм Косыгина на том основании, что был 1917 год – это то же самое, что просить у римских гарибальдийцев 1849-го не стрелять во французов, потому что у тех остался флаг сражения при Вальми.**

КПИ – отнюдь не бедный старик: это крупная партия, с восемью или девятью миллионами голосов, с уникальной традицией, широко представленная во власти, играющая серьёзную и незаменимую роль в национальной и международной политике, имеющая общее

*Фидуциар – доверенное лицо

**Сражение французской революционной армии с прусскими интервентами (1792)

видение того, за что она может и должна бороться. Тот, кто не разделяет её политику, должен настаивать изо всех сил: не поддерживать Компартию это далеко не то же самое, что быть против Коммунизма. Коммунизм намного больше, чем партии, называющие себя коммунистическими.

[1968]

«Политика сосуществования». Правда и ложь

«Моей фразе о трагедии политики сосуществования сопутствовала «экстремистская» фраза, которая, несколько лет спустя, в связи с терроризмом и консоциативизмом*, к сожалению, отразила реальность. Свидетельство тому – распад левого движения, который происходит сейчас.

«Читая этот текст Пьера Паоло, сидевшего передо мной в маленькой комнате редакции «Эспрессо», я не думал, что вижу его в последний раз. Я был очень сильно раздражен его поведением; гораздо больше, чем текстом, воспевающим полицейских, который был невыносим для меня из-за его чисто рекламных свойств и вульгарно-пропагандистского потенциала, о чем уже говорилось. Это было в конце мая или в начале июня. Я сообщил журналистам «Эспрессо» о своем отказе участвовать в «столе», из-за нежелания сидеть рядом с человеком из КПИ, который оскорбил меня за год до этого.»

**Консоциативизм – растворение оппозиции в правящих структурах.*

«Когда я говорил с Пазолини, полиция в Париже убивала студента. Вечером в Милане, произошло затяжное сражение с полицией возле «Корьерра дела Сера». На следующее утро (в субботу) я говорил об этом по телефону с Пьером Паоло. Я уговаривал его не поддаваться просьбам «Эспрессо», желающего записать его интервью по этому поводу. Он мне обещал. Уехал в Милан. В тот же день редакция нашла его, записала интервью, отредактировала его и опубликовала. Когда потом, несколько дней спустя, редакция, проявив характерную журналистскую неразборчивость в погоне за материалом, попросила у некоторых, в том числе, у меня, высказать мнение о злополучном «скандале» с воспеванием полицейских — детей бедноты, избитых мелкобуржуазными студентами, я понял, что пора заканчивать с этим. Пазолини солгал только из страсти к саморекламе. Я должен был поставить его на место. Вот что я отправил в «Эспрессо»:

«Правда и ложь. Бесплезно говорить, что это текст фальшив или лицемерен. Это уже сказано. Мне более или менее понятны мотивы человека, который так долго исполнял роль Д'Аннунцио, но у меня нет сил исследовать мотивы того, кто удовлетворяется теперь подражанием Малапарте. Лучше указать на ту правду, которая есть во всем этом (например, на выражение «гражданская война»). А также увидеть суть, которая целиком окутана ложью. А вообще, хорошо бы вывести разговор за пределы контекста, в котором он зародился. Если необходим серьёзный разговор, то Пазолини лучше дать возможность что-нибудь читать

или писать, чтоб он не отвлекался. Политики не помогут разобраться в происходящем. Для этого необходим интеллект, снабженный хорошим марксистским образованием, или крепкий ум правого католика, например, Аугусто дель Ноче. Я читал в 5-ом номере "Жизни и Мысли" его статью о молодежи, которая заслуживает серьёзного размышления; как и концовка статьи в том же католическом журнале, написанной Р. Куадрелли: "Необходимо готовиться уже сейчас, и необходимо было готовиться испокон веков, к настоящему решению. Решению, которое потребует великих жертвований во имя малых достижений, решению, к которому уже не применишь множество раз презренный и множество же раз приходивший на помощь закон".

«Однако было бы действительно несправедливо считать, что подобные высказывания должны публиковаться в «Эспрессо». Как было бы бессмысленным оскорблением взывать к разуму людей, которые обычно составляют хор в этих лживых скандалах. Это, в основном, те, кто всегда принижают всё и вся до своего собственного уровня. Если, как литературный критики или идеолог, я могу ошибаться, то двадцать лет опыта копирайтерства, то есть написания рекламных текстов, убеждают меня в том, что Пазолини написал отличный рекламный текст. Это совершенная мухобойка. Мухи уже здесь. Нужно покончить и с мухами и с мухобойкой».

«После этого письма помириться было уже никак не возможно, и у меня не было причин снова писать о Пазолини; Пазолини же, наоборот, в марте в 1969, в рубрике «Хаос», которую он вёл в еженедельнике «Время», снова заговорил о моих стихах и посвятил им

четыре вдумчивые страницы. Однако мне не довелось прочитать их тогда, и я узнал об этом, не без волнения, только десять лет спустя, когда вышел сборник его статей.»

***Фортини – Пазолини: параллельные жизни,
расходящиеся идеи***

«Я знаю, что наша история закончена»; «Наша история не кончится никогда». Разница заключалась только в значении слова «наша». Для Пьера Паоло речь шла о сверстниках и о нём самом – о людях, для которых первостепенным было единение с народом, антифашистское сопротивление, коммунистическое народное ополчение в 1945-55-м годах. Эта история в самом деле была закончена. Пазолини крайне пронизательно увидел и запечатлел в сборнике «Прах Грамши» распад тех символических и патетических образов. В отличие от других, заговоривших об этом «конце» сразу после войны (Тобино, Арпино, Карло Леви, Кассола, Саба, Эмилио Серени, Джордже Бассани) или в 1946-1950, Пазолини заговорил об этом тогда, когда в Италии начиналась новая эпоха, с её общественными и экономическими процессами, быстро приведшими к тому, что Пазолини назвал «антропологической мутацией».

Правда, поэзия уже два столетия (а, возможно, и больше) питается пафосом умирания и рассеивания; но нет сомнения, что с 1956 года итальянское общество (каким оно было для поколений, вошедших в жизнь между 1935 и 1955 годами) изменялось стремительно и буквально на глазах. В этом смысле,

«Плач экскаватора» и «Полемика в стихах» ещё в большей степени, чем «Прах Грамши», говорят о роковом переломе 1956-го.

В скрипе экскаватора и правда слышится плач по «тому, что умирает и возрождается», и «в этой печали - жизнь». Но Пазолини решил тогда, что всё же лучше быть «силой прошлого». Поэтому позже, начав с «Аккатоне», он будет всё доскональнее изучать то, что вырождается, а в итоге отвергнет, хотя и парадоксальным образом, «детей» 1967-1968.

Важный момент: сегодня многие разглядели то, что ясно видно уже по крайней мере три десятилетия: тот период национальной истории, который совпал с жизненным путем Пазолини и автора этих строк, был скован сперва конфликтом между двумя т.н. великими державами, а затем политическим и военным диктатором США*. Политическая оппозиция, договорившись с правительством, с предпринимателями и со СМИ, согласилась не оглашать степень этого порабощения. И не стоит оправдываться тем, что якобы не оказалось умных людей и аналитиков, способных выявить правду. Одно дело – рассказывать о некоей абстрактной подчиненности и совсем другое – анализировать конкретные последствия этой подчиненности. Для того, чтобы такой анализ стал возможен, оказался необходим крах Восточной Европы, а также мировые и итальянские события 1991–1993 годов**.

**В результате которого КПИ, имевшая огромную поддержку, так и не была в полной мере допущена до власти.*

***Серия судебных дел о многолетних связях ведущих политиков разных направлений с мафией и крупным бизнесом.*

“КОМПАРТИЯ - МОЛОДЁЖИ!”	3
АПОЛОГИЯ	11
<i>Анжела Мольтени.</i>	
Пьер Паоло Пазолини. «Компартия – молодежи!»	18
<i>Пьеро Сансонетти.</i>	
Предсказание Пазолини	23
Л.В.	
О «хитростях» Пьера Паоло Пазолини	27
<i>Энцо Сичильяно</i>	
Пазолини и 68-ой год Джулиано Феррары	29
<i>Франческо Варили</i>	
Июнь 1968 – «Компартия – молодежи!»	33
<i>«Я ненавижу вас, дорогие студенты...»</i>	
Круглый стол в газете «Эспрессо»	39
<i>Анжела Мольтени</i>	
Франко Фортини – Пазолини: «Против студентов»	55

**“...Опьяненные победой над молодыми
полицейскими, которых нищета вынуждает быть
рабами,
(и одурманенные интересом общественного мнения
буржуазии,
с которой вы ведете себя как женщины,
игнорирующие и третирующие
нелюбимого богача-воздыхателя)
вы отвергаете единственный инструмент, которым
можно действительно бороться с отцами:
коммунизм.”**

**“...посредством неокapитализма буржуазия становится
человеческим состоянием. Всё кончено. Вот почему я
провоцирую молодежь. Это, возможно, последнее
поколение, которое видит рабочих и крестьян.
Следующее поколение будет видеть вокруг себя одну
только буржуазную энтропию.”**

www.pasolinI.ru

**Стихотворение 1968-го года, в котором известный поэт
и режиссёр - коммунист декларировал своё
сочувствие полицейским, подавлявшим студенческие
выступления. Вызвало ожесточенную дискуссию,
совсем не утратившую актуальность.**